

ИЗ КОММЕНТАРИЕВ К ПЕРВОМУ ТОМУ «МЕРТВЫХ ДУШ»

В. БЕСПРОЗВАННЫЙ, Е. ПЕРМЯКОВ

К вопросу о датировке исторического времени I тома поэмы.

Вопрос датировки исторического времени поэмы неоднократно привлекал внимание исследователей (Случевская; Елистратова; Боровой; Саннинский; Смирнова-Чикина; Никишаев; Антокольский). Как нам кажется, все эти работы имеют одну общую черту при всем разнообразии их выводов. Авторы их считают, что обнаруженные ими возможности датировки некоторых реалий позволяют сделать вывод относительно исторического времени всего текста. При этом, по нашему мнению, игнорируются два существенных момента:

- а) отбрасываются без убедительной аргументации реалии, дающие иные выводы об историческом времени;
- б) «Мертвые души» рассматриваются как исторический источник, а не как художественный текст. Поэтому возникают дискуссии об анахронизмах, авторских недосмотрах и ошибках. Особенности гоголевской поэтики остаются вне поля зрения.

Все разнообразие выводов указанных работ можно свести к двум:

- 1) в поэме изображено время второй половины царствования Александра I (Елистратова; Случевская; Антокольский). Основными аргументами в пользу этой гипотезы служат: авторское указание «<...> все это происходило вскоре после достославного изгнания французов <...>» и версия чиновников, что Чичиков — это переодетый Наполеон, выпущенный англичанами с острова Елены. Исследователи полагают, что «действие поэмы происходит до 1821 года, т.е. до года смерти Наполеона» (Случевская, с. 196; см. также: Елистратова, с. 105).

2) Другая точка зрения наиболее интересно представлена в работе Е. Смирновой-Чикиной, считающей, что время действия в поэме можно отнести к началу 30-х гг. XIX в. Основанием для датировки служат основные этапы биографии Чичикова (Смирнова-Чикина, с. 172 — 174).

Особо хочется остановиться на статье Е. Никишаева. Отметим замечания автора, с которыми нам трудно не согласиться: «Считаем принципиально важным подчеркнуть, что при выявлении времени действия "Мертвых душ" необходимо учитывать не только самые факты, отразившиеся в них, но и своеобразие использования историко-фактического материала, ориентировавшееся при этом на художественное целое поэмы, на особенности повествования и образно-композиционного строя» (Никишаев, с. 104). И далее: «Приняв во внимание всю сумму примет времени в тексте "Мертвых душ", следует признать, что общие историко-хронологические рамки их содержания определяются 10 — 40 годами» (Никишаев, с. 104). Этим правильным, как нам кажется, посылкам явно противоречат выводы, которые делает автор статьи: «Сопоставление целого ряда хронологических примет в сюжетно-событийном плане позволяет заключить, что время действия "Мертвых душ" обобщенно-концентрированное, его можно датировать периодом после Отечественной войны 1812 — 1814 годов и до декабрьского восстания 1825 года» (Никишаев, с. 105). Чувствуя непоследовательность в работе, Е. Ф. Никишаев в конце концов прибегает к спасительному аргументу: «Заключая, отметим, что решающее значение при определении времени действия "Мертвых душ" имеет все-таки авторское указание, — «вскоре после достославного изгнания французов» (Никишаев, с. 105)¹.

В своей работе мы попытаемся:

I. учесть поддающиеся датировке реалии в тексте поэмы, не разделяя их на значимые и незначимые; на этом этапе работы мы будем предъявлять к "Мертвым душам" требования как к историческому источнику;

II. объяснить данные первого этапа работы с точки зрения структурных принципов поэмы, т.е. определить функцию датировок в рамках текста.

I

Остановимся на некоторых эпизодах "Мертвых душ", поддающихся датировке:

1. Покупка Чичиковым мертвых душ возможна лишь в том случае, если перед этим давно не подавали ревизских сказок, в противном случае герою просто нечего покупать. И. Н. Медведева на этом основании определяет следующие границы: 1815 — 1833, т.е. между 7 и 8 ревизиями.

2. В поэме упоминаются чиновники «нижнего земского суда». Нижние земские суды появились в России в 1775 г. Учреждением о губерниях этого года были созданы Верхний земской суд и Нижний земской суд. Верхний земской суд просуществовал до 1796 г., нижний — значительно дольше. 3 июля 1837 г. на основании «Положения о земской полиции вообще и в особенности о земских судах» и «Наказа чинам и служителям земской полиции» нижние земские суды переименовываются, при этом значительным изменениям подвергается их структура (ПСЗ, т. XII, N 10 305).

3. Чичиков покупает крестьян «на вывод» и только мужской пол. Е. С. Смирнова-Чикина справедливо указывает, что «такая покупка не могла происходить позже 1833 г., так как в этом году был издан закон, запрещавший продавать крестьян "с разлучением семьи"» (Смирнова-Чикина, с. 173).

4. «А теперь же время удобное: недавно была эпидемия, народу вымерло, слава богу, не мало» (Гоголь, т. VI, с. 240). Вероятно, речь идет об эпидемии холеры, прокатившейся по России в 1831 г. Собственно говоря, эпидемия началась раньше, в 1829 г. в Оренбурге, в 1830 г. охватила Тифлис и Астрахань, но по всей России распространилась в 1831 г. До этого эпидемия холеры была в 1823 г. в Закавказье и Астрахани, следующая массовая эпидемия холеры была лишь в 1846 г.

5. «<...> да, положим, опекунский совет даст по двести рублей на душу: вот уж двести тысяч капиталу!» (Гоголь, т. VI, с. 240). 200 рублей за ревизскую душу — это реальный размер ссуды, установленный в 1824 г. указом от 3 июля «О новом постановлении займов из сохранных казен под залог деревень». Все губернии России были разделены на два класса. К первому относились центральные губернии, где размер ссуды равнялся 200 рублям; ко второму — окраинные, где ссуда составляла 150 рублей государственными ассигнациями. Размер ссуды был изменен в 1839 г. Интересно, что в ранних редакциях размер

суды равнялся 250 рублям, 200 рублей появились лишь в окончательном тексте "Мертвых душ".

6. В поэме несколько раз встречается упоминание о жандармском офицере: в конце I-ой главы, например, «жандармский полковник говорил, что он <Чичиков. — В. Б., Е. П.> ученый человек <...>» (Гоголь, т. VI, с. 18). Как известно, особый корпус жандармов был образован в 1827 г. по «Положению о жандармском корпусе и разделении оного на пять округов» (ПСЗ, т. II, N 1062), шефом его был назначен А. Х. Бенкендорф, годом раньше определенный управляющим III отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

7. «<...> образовалась комиссия для построения какого-то казенного весьма капитального строения» (Гоголь, т. VI, с. 232). В ранних редакциях этот эпизод биографии Чичикова расшифровывается: «Скоро представилось герою нашему новое поле для извлечения выгод: составила комиссия постройки храма божия» (Гоголь, т. VI, с. 561). Е. С. Смирнова-Чикина справедливо полагает, что речь идет о нашумевшей в свое время постройке храма Христа Спасителя в Москве (Смирнова-Чикина, с. 173—174). Храм был торжественно заложен в октябре 1817 г., в начале 1820-х гг. учреждена комиссия, члены которой в 1827 г. отданы были под суд Московской уголовной палаты за воровство и злоупотребления, обнаруженные в результате ревизии под руководством генерал-адъютанта Стрекалова (Мостовский, с. 24).

8. «Крепости были записаны <...> с принятием полупроцентных и за припечатку в Ведомостях» (Гоголь, т. VI, с. 148). Губернские Ведомости выходили в России с 1838 г. (ПСЗ, 1837, т. XII, N 10 304). Правда, в 1830 г. было Высочайше утверждено Положение об издании Губернских Ведомостей в виде опыта в шести губерниях: Астраханской, Казанской, Киевской, Нижегородской, Слободско-Украинской и Ярославской. (ПСЗ, 1830, т. V, N 4036), однако сведений о их выпуске в это время нет (Лисовский, с. 23).

9. Е. Ф. Никишаев обратил внимание на странное «ассигнацелюбие», наблюдающееся у помещиков, с которыми торгуется Чичиков. В споре с Коробочкой Чичиков, пытаясь ее убедить, говорит: «Там вы получили за труд, за старание двенадцать рублей, а тут вы берете ни за что, даром, да и не двенадцать, а пятнадцать, да и не серебром, а

все синими ассигнациями» (Гоголь, т. VI, с. 53). Или фраза Собакевича: «<...> извольте — по семидесяти пяти рублей за душу, только ассигнациями <...>» (Гоголь, т. VI, с. 103). Е. Ф. Никишаев объясняет это следующим образом: «Манифест 9 апреля 1812 года потребовал все платежи в казну вносить ассигнациями, но это постановление стало неукоснительно исполняться только с 1817 года. Оно было подтверждено в 1819 году» (ПСЗ, N 27 693) в ответ на жалобы министру финансов о нехватке ассигнаций и на просьбы позволить прием платежей монетой. Кроме того, с 1818 г. было начало изъятие из обращения части ассигнаций, а с 1819 г. был предпринят их обмен на новые образцы, продолжавшийся до 1821 г. Это не могло не привести к тому, что в руках у помещиков оказывалось мало бумажных денег. <...> Уже в конце 20-х гг. стали допускаться некоторые послабления, а указ 11 октября 1830 г. "окончательно отменил стеснительные для плательщиков статьи манифеста 1812 года"» (Никишаев, с. 102; см. также Друян, с. 7—10).

10. Обратимся к слухам о Чичикове, привлечшим внимание большинства исследователей, а именно к цепочке Чичиков — Наполеон — Антихрист. Как нам кажется, в данном случае основанием для датировки может служить не только дата смерти Наполеона, но и характер слухов. Предположим, что Наполеон умер не в 1821 г., а позже, например, в 1840. В таком случае основание для датировки должно было бы исчезнуть. Однако сам характер слуха (Наполеон — Антихрист) позволяет отнести его ко времени войн с Францией и некоторому времени после них, когда подобные представления были широко распространены в России².

11. Напомним авторское указание: «Впрочем, нужно помнить, что все это происходило вскоре после достославного изгнания французов» (Гоголь, т. VI, с. 206).

12. Хочется обратить внимание на еще одну деталь, оставшуюся незамеченной предыдущими исследователями: «Чаще же всего заметно было потемневших двухглавых государственных орлов, которые теперь уже заменены лаконичной надписью: "Питейный дом"» (Гоголь, т. VI, с. 11). Это авторское замечание **впервые** в тексте разделяет два временных плана: «теперь» (настоящее время автора и читателей) и «тогда» (прошедшее время излагаемых событий). Более подробно об этом см. ниже.

Вероятно, наш список можно было бы и продолжить, но, думается, на этом можно пока остановиться³. Из наблюдений с очевидностью следует, что свести все датировки в единую хронологическую цепочку невозможно. Следовательно, нужно или отказаться от дальнейшего рассмотрения вопроса, или сменить точку зрения, учитывая при этом художественную релятивность всех датировок. Если разбить все наши данные на две группы (датировки, связанные с биографией Чичикова, и датировки, относящиеся к миру губернского города, поместий), то получается следующая картина: время поездки Чичикова приходится на начало 1830-х гг., а факты биографии героя подтверждают такой вывод. Время города и поместий не имеет точной временной определенности и растянуто между 1810—30 гг. Ниже мы попытаемся выяснить, имеет ли смысл наше наблюдение в рамках «Мертвых душ» как художественного текста, а также какую функцию могут выполнять датировки.

II

Имеет ли значение в «Мертвых душах» введенная нами оппозиция «Чичиков — мир, в котором он путешествует»? Обратимся к структуре пространственно-временных отношений поэмы. Ю. М. Лотман отметил: «Основным дифференцирующим признаком в пространстве "Мертвых душ" становится не оппозиция "ограниченное — неограниченное", а "направленное — ненаправленное". <...> Для того, чтобы стать возвышенным, пространство должно быть не только обширным (или безграничным), но и направленным, находящийся в нем должен двигаться к цели. Оно должно быть дорогой. Дорога — одна из основных пространственных форм, организующих текст "Мертвых душ". Все герои, идеи, образы делятся на принадлежащие дороге, устремленные, имеющие цель, движущиеся — и статичные, бесцельные» (Лотман, 1968, с. 45, 47). Чичиков — «герой дороги», имеющий свою цель. Он не принадлежит ни одному пространству, а лишь пересекает их. По этому признаку он четко противопоставлен и городским чиновникам, и помещикам — всему, образующему тот мир, в котором он путешествует.

Однако Чичиков подвижен не только в пространстве, но и во времени. Сразу оговоримся, что мы рассматриваем временные отношения не как самостоятельные, а как подчиненные пространственным. Обратимся к тексту поэмы

и посмотрим, какие временные характеристики получают выделенные Ю. М. Лотманом типы пространства.

Неподвижность городского и помещичьего мира выражается в постоянных авторских характеристиках («вечная желтая краска», «вечный слоеный пирожок», «вечный мезонин» и т.д.), застывших характерах, ему принадлежащих (даже Плюшкин, являющийся, казалось бы, исключением, так как имеет свою биографию, дан в последней стадии застывания, это конечная точка его развития). Все эти герои лишены одного существенного признака — они не имеют будущего времени.

Своего предельного выражения неподвижность мира достигает в предметах, ему принадлежащих и прямо связанных с идеей времени. Например: «Слова хозяйки были прерваны странным шипением, так что гость было испугался; шум очень походил на то, как бы вся комната наполнилась змеями; но, взглянувши вверх, он успокоился, ибо смекнул, что стенным часам пришла охота бить. За шипеньем тотчас же последовало хрипенье, и наконец *понапужась всеми силами*, они пробили два часа таким звуком, как бы кто колотил палкой по разбитому горшку, после чего маятник пошел опять покойно щелкать направо и налево» (Гоголь, т. VI, с. 45—46; курсив наш. — В. Б., Е. П.) — о часах в доме Коробочки. Или часы у Плюшкина: «На одном столе стоял даже сломанный стул и, рядом с ним, часы с *остановившимся маятником, к которому паук уже приладил паутину*» (Гоголь, т. VI, с. 114—115; курсив наш. — В. Б., Е. П.). Уместо будет, как нам кажется, напомнить замечание Ежи Фарыно: «В случае локуса "Манилов" время никак не отмечено. И это неспроста. Мир Манилова — мир ахронный, он пребывает в застывшей бездейственности времени и меняется не темпорально, а пространственно (и то лишь в "мечтаниях" об "огромном доме")» (Фарыно, с. 619—620)⁴.

Время теряет свою определенность не только для героев, но и для автора, заставляющего Чичикова проехать в первый день поездки (к Манилову и Коробочке) 75 верст⁵. Таким образом, мир, в который погружен Чичиков с 1 по 10 главы «Мертвых душ», — принципиально неподвижный. Время в нем, как и пространство, лишено направленности, т.е. временной линейности: прошедшее — настоящее — будущее⁶.

Чичиков имеет не только прошедшее, настоящее, но и, что очень важно, будущее время. «Читателю сполгоря, рассердится ли на него Чичиков или нет, но что до автора, то он ни в каком случае не должен ссориться с своим героем: еще не мало пути и дороги придется им пройти вдвоем рука в руку; две большие части впереди — это не безделица» (Гоголь, т. VI, с. 245—246)⁷. Время Чичикова линейно, направлено от прошлого к будущему. Кроме того, оно имеет важное сюжетное значение: именно биографическое время героя скрепляет отдельные сцены в единую сюжетную цепочку.

Итак, мы рассмотрели оппозицию «Чичиков — окружающий его мир» с точки зрения временных отношений в тексте. Главный герой путешествует в пространстве и движется во времени. Противопоставленный ему мир — неподвижен. Вернемся к датировкам и посмотрим, как они работают в поэме.

Мы уже отмечали, что свести их в единую хронологическую цепочку невозможно. Следовательно, говорить о едином для «Мертвых душ» реально-историческом времени бессмысленно. По нашему мнению, указанные нами датировки в поэме лишены хронологического значения⁸. Это не даты, а своеобразные сигналы. Неподвижный с точки зрения художественного времени мир, по которому путешествует Чичиков, с точки зрения реально-исторического времени «растянут» между 10—30 гг. XIX столетия. А при авторском стремлении к сдвигу хронологических примет к послевоенному времени (именно здесь важны два авторских указания) эта система сигналов придает оттенок патриархальности миру, в котором прошлое равно настоящему⁹. Кроме того, если учесть, что сюжетное время длится несколько недель, то «растянутость» временных сигналов дает эффект эпического времени, рождает временную глубину в тексте. Реально-историческое время поездки Чичикова приходится на начало 30-х гг., даты его биографии выстраиваются в хронологическую цепочку, и это рождает ощущение «выдвинутости» героя во времени, его принадлежности к новому веку. Безусловно, это ощущение является результатом действия и других факторов, нам лишь важно отметить, что этому подчинена и система временных сигналов в тексте.

Архитектура провинциального города в «Мертвых душах»

В образе губернского города NN, созданного Гоголем в 1 томе «Мертвых душ», доминирует ряд реалий, связанных прежде всего с архитектурным пейзажем города. Для их рассмотрения нам необходим небольшой фрагментарный экскурс в историю русского градостроительства.

Уже начиная со второй половины XVIII в. в России правительство предпринимает ряд усилий к изменению архитектурного облика городов империи. Усилия были направлены на то, чтобы заменить устройство старых городов с их беспорядочной скученной застройкой «регулярной» планировкой (за основу брался «шахматный порядок»: «Все улицы и площади центра предполагалось застроить "сплошную фасадою", с целью более рационального использования площади фасадов и уменьшения длины улиц» — Ожегов, с. 50).

Первоначально реализацией идеи создания «регулярных» городов занималась специальная градостроительная Комиссия (известная под наименованием «Комиссии Бецкова»), однако она осуществляла работы по перепланировке в основном крупных городов. В частности, именно Комиссия Бецкова занималась восстановлением Твери, разрушенной в 1763 г. большим пожаром; проект реконструкции был признан образцовым, поскольку наиболее полно воплощал новые градостроительные идеи. В целом же планы правительства начинают реализовываться лишь в конце XVIII— начале XIX вв. Работы ведутся вплоть до середины XIX в., очень медленно, особенно в провинции. Основные трудности в этом процессе порождало столкновение реального сложившегося облика города (часто даже не города, а посада, возведенного в этот ранг административными преобразованиями) и новых градостроительных установлений: «Архитекторы <...> не пытались совместить новую регулярную планировку с сложившейся сеткой улиц, ибо она была неправильной, противоречащей самой идее регулярности» (Кириллов, с. 171). Поэтому в ходе реконструкции ломка нередко опережала строительство¹⁰, что, вкупе с планировкой широких улиц и площадей, предусмотренной проектами, создавало специфический облик российских городов, отмеченный многими мемуаристами. Именно такими увидел и Петер-

бург и Ярославль маркиз де Кюстин, посетивший в 1839 г. Россию: «<...> этот город <речь идет о Петербурге. — В. Б., Е. П.> дворцов со своими огромными пустыми просторами и мощеными площадями очень похож на поле, перерезанное дощатыми заборами. Отдаленные от центра части города сплошь застроены маленькими деревянными домишками. <...> Стоит только покинуть центр города, и вы теряетесь в едва намеченных улицах, вдоль которых тянутся постройки казарменного вида. <...> Улицы поросли травой, потому что они слишком просторны для пользующегося ими населения» (Кюстин, с. 123—124). Ср. также: «Ярославль, как и все русские провинциальные города, необычайно разбросан и кажется безлюдным. Его улицы поражают своей шириной, <...> а дома отделены друг от друга огромными пустырями, в которых теряется население» (Там же, с. 232). Сходные замечания содержатся в воспоминаниях Ф. Ф. Вигеля: «Въехав в Пермь, особенно при темноте, некоторое время почитали мы себя в поле; не было тогда города, где бы улицы были шире, а дома ниже. <...> это было пустое место, которому лет за двадцать перед тем велено было быть губернским городом: и оно послушалось, но только медленно» (Вигель, т. 1, ч. 2, с. 143).

Именно эти черты выделяет Гоголь в архитектурном облике губернского города NN: «Местами эти дома казались затерянными среди широкой, как поле, улицы и нескончаемых деревянных заборов; местами сбивалась в кучу, и здесь было заметно более движения и живописи» (Гоголь, т. VI, с. 11); «<...> покотился он <Чичиков. — В. Б., Е. П.> в собственном экипаже по бесконечно широким улицам, озаренным тощим освещением из кое-где мелькавших окон» (Там же, с. 13).

Планы правительства по созданию нового регулярно города реализовывались прежде всего в строительстве казенных зданий, что было обусловлено постоянным реформированием административной системы: «Увеличение числа губерний с двадцати до пятидесяти и значительное увеличение числа уездов вызвали необходимость расширения органов местного самоуправления. Для размещения многочисленной администрации требовалось построить в ряде новых и старых губернских и уездных городов здания присутственных мест» (Ожегов, с. 68). Облик переустроенных городов определял прежде всего центр: «Возросшие административные функции городов вызва-

ли необходимость организации общественных центров в виде публичных площадей с присутственными местами, торговым комплексом и другими общественными зданиями» (Кириллов, с. 171).

Изображенная в 1-ом томе «Мертвых душ» центральная площадь не вполне типична; в тексте упоминаются «лавки и гостиный двор», но в описании площади они отсутствуют, хотя «по планам перестройки городов все городские учреждения, включая присутственные места, <...> в большинстве городов переносились поближе к торговой площади и гостиному двору» (Кириллов, с. 68). Центральная площадь города NN, изображенная в поэме, имеет подчеркнуто казенный облик: «<...> они дошли наконец до площади, где находились присутственные места; большой трехэтажный каменный дом, весь белый, как мел, вероятно для изображения чистоты душ помещавшихся в нем должностей; прочие здания на площади не отвечали огромности каменному дому. Это были: караульная будка <...>, две-три извозчичьи биржи и наконец длинные заборы <...>; более не находилось ничего на сей уединенной, или, как у нас выражаются, красивой площади» (Гоголь, т. VI, с. 141).

Эта деталь в целом отвечает и более общей трактовке Гоголем основных черт провинциального города «Мертвых душ». Это город чиновников и чиновниц, «казенный» город. Ср.: «В России есть губернские и уездные города; в числе тех и других есть такие, кои должно назвать казенными, потому что в них встречаются по большей части одни только должностные лица ...» (Вигель, т. 1, ч. 1, с. 60).

Другим важным принципом градостроительной политики правительства, непосредственно связанным с идеей регулярности, был принцип нормативности. Еще во 2-ой половине XVIII в. начали издаваться специальные альбомы, содержащие «Фасады примерные против прочих вновь строящихся городов», в которых были даны образцы казенных и частных зданий. Но если в екатерининскую эпоху число типовых фасадов домов было относительно невелико и они служили скорее образцами, примерами, то в 1830-40-е гг. регламентации подчиняются все типы построек, включая заборы и ворота. Рвение к порядку иногда доходило до абсурда. Так, в проекте будки для часовых даже предусматривалось, что «внутри будки в верхнюю отвязку вколачивается железный гвоздь, на

который часовой вешает шинель или тулуп» (ПСЗ, 1842, т. VI, N 231). Поэтому «вечный мезонин» был красив не только по «мнению губернских архитекторов», но и потому, что его предусматривало большинство «примерных» фасадов одно-двухэтажных домов.

Нормативная градостроительная политика имела и ряд положительных сторон, а «образцовые фасады», например, в редакции 1809 г. проектировались квалифицированными архитекторами (А. Захаровым, В. Стасовым и др.). Однако для Гоголя современная ему архитектура России, особенно массовая, градостроительная, была чисто негативным явлением: «Мне всегда становится грустно, когда я гляжу на новые здания, на которые брошены миллионы и из которых редкие останавливают изумленный глаз величием рисунка, или своевольною дерзостью воображения, или даже роскошью и ослепительною пестротой украшений» (Гоголь, т. VIII, с. 56). Свои архитектурные пристрастия, счастливо выраженные афоризмом «архитектура — тоже летопись мира» (Там же, с. 73), Гоголь противопоставляет «однообразию» новых русских городов, их убогой дисгармоничности.

В «Мертвых душах» образ провинциального города складывается через преломление *реального* в *идеальном*, где в качестве последнего выступает архитектура «Вечного города». Русь увидена Гоголем из «прекрасного далека» в сопоставлении с Римом: «<...> не развеселят, не испугают взоров дерзкие дива природы, венчаные дерзкими дивами искусства, города с многооконными, высокими дворцами, вросшими в утесы, картинные деревья и плющи, вросшие в дома, в шуме и в вечной пыли водопадов; <...> не блеснут сквозь наброшенные одна на другую темные арки, опутанные виноградными сучьями, плющом и несметными миллионами диких роз, не блеснут сквозь них вдали вечные линии сияющих гор, несущихся в серебряные, ясные небеса» (Гоголь, т. VI, с. 220).

В связи со сказанным важно отметить гоголевскую апологию готики, прозвучавшую в цитированной выше статье «Об архитектуре нынешнего времени». Основная пространственная координата готического стиля в архитектуре — вертикаль, в противовес этому в архитектурном пейзаже города NN преобладает горизонталь: гостиница «была очень длинна», «широкая, как поле, улица», «бесконечно широкие улицы» и т.д.; ср. то же, но уже в «общероссийском» масштабе повествования: «Открыто-

пустынно и ровно все в тебе; как точки, как значки, непреметно торчат среди равнин невысокие твои города; ничто не обольстит и не очарует взора» (Гоголь, т. VI, с. 220).

Не случайно здесь и совпадение в ориентированности пространства города «Мертвых душ» и всей России¹¹. Оно совмещает в единой перспективе повествования Город и Государство, реализуя тем самым одно из направлений авторского замысла — изобразить в поэме «всю Русь».

Из построчного комментария к I тому «Мертвых душ».

С. 10. Чичиков высмаркивался чрезвычайно громко. <...> нос его звучал, как труба.

Одна из черт поведения Чичикова, характеризующая его как dandy, поскольку подобные «поступки» безусловно запрещались дворянским этикетом. Еще в «Показании к житейскому обхождению» Петра I сказано: «Не малая гнусность есть, кто часто сморкает, яко бы в трубы трубит»... Последующие издания правил вежливости дают аналогичные указания; одно из таких изданий 1740-х гг. предписывало: «Старайся, чтоб твой нос был свеж и чист: не фыркал, не сопел, не издавал бы свист» (Пыляев, с. 94—95). Однако «суеверное» следование правилам вежливости было обязательным для молодых людей, среди чиновников — для тех, кто имел невысокий чин и был в подчинении. Чичиков, с его притязаниями на солидность и значительность, может позволить себе громко сморкаться в присутствии трактирного слуги. (Громко хохотать тоже неприлично, но типовое поведение «генерала», «начальника» — ср., например, поведение генерала Бетрищева во 2-м томе «Мертвых душ» — не вписывается и не должно вписываться в правила этикета).

С. 11. <...> сильно была в глаза желтая краска на каменных домах и скромно темнела серая на деревянных.

1. Несмотря на стремление правительства застраивать русские города каменными зданиями, на практике это было неосуществимо еще в 40-е гг. XIX в. По данным «Статистических таблиц...» (СПб., 1840), практически во всех городах, не исключая столицы, деревянными были большинство домов. При этом, если в Петербурге аристократические районы были сплошь каменными, а деревянные дома размещались на периферии (Пушкарев, с. 73),

то в провинциальных городах каменными были, как правило, только казенные здания. См., например, в описании Полтавы: «... величайших каменных зданий здесь числом до 9-ти, в три и не ниже двух этажей, в самом новом вкусе. Здесь помещаются: губернатор, вице-губернатор, присутственные места, почтамт...» (Долгорукий, с. 68).

2. По правительственному указу 1817 г. запрещалась яркая окраска казенных и частных домов: «Запрещается пестрить дома и всякое строение краскою. Вообще дозволяется красить оные следующими только цветами: белым, палевым, бледножелтым, светлосерым, диким, бледнорозовым и сибиркою с большою примесью белой краски» (ПСЗ 1842, ст. 273). Образцы рекомендованных цветов рассылались на специальных табличках, либо приводились в альбомах «образцовых» фасадов: «Среди сохранившихся альбомов встречаются отдельные экземпляры с раскрашенными фасадами. Они дают представление о рекомендуемых колерах и о системе покраски зданий. Цоколи окрашивались в серый (дикий) цвет, поле стены в светло-желтый, светло-зеленый или светло-синий цвета. Преобладающим цветом стен был желтый различных оттенков» (Ожегов, с. 92). Поэтому дом «дамы приятной во всех отношениях» — оранжевого цвета с голубыми колоннами — явно противоречит своей провинциальной «тонкости вкуса» не только существовавшим законоположениям, но и реальной практике городского устройства.

С. 11. <...> заметно было потемневших двуглавых государственных орлов, которые теперь уже заменены лаконической надписью: «Питейный дом».

Государственный герб (двуглавый орел) помещался не только на вывесках «питейных домов», но и на аптеках, вообще на вывесках всех государственных монопольных заведений. Впервые двуглавые орлы появились на кабаках при Екатерине II. Манифест 1 августа 1765 г. предписывал: «<...> на питейных домах поставить Наши гербы, яко на домах под Нашим защищением находящихся». Здесь же отмечалось, что «понеже от происходящих злоупотреблений, название кабака сделалось весьма подло и безчестно, <...> то повелеваем оные места не кабаками, но просто питейными домами отныне именовать» (Полн. собр. законов, т. XVII, с. 198). Таким образом, двуглавые орлы появились на вывесках вместе с надписью «Питейный Дом», а позднее были сняты с вывесок. Одно указание на

этот факт содержится в воспоминаниях дочери Николая Семеновича Мордвинова: «Однажды, беседа с Государем Александром Павловичем, он <Н. С. Мордвинов — В. Б., Е. П.> заметил, что неприлично прибавать царский герб над дверьми кабаков. Вероятно, прежде не обращалось на это внимания, но после гербы с питейных домов исчезли» (Записки графини Н. Н. Мордвиновой, с. 181—182). Разговор, о котором идет речь, приводится в цитируемых мемуарах в ряду событий конца александровского царствования. Ср. также со строками агитационной песни К. Рылеева и А. Бестужева, датируемой 1824—1825 гг.: «А под царским орлом / Ядом потчуют с вином» (Рылеев, с. 259). Следовательно, двуглавые орлы исчезли с вывесок уже в николаевскую эпоху, вероятнее всего — с 1827 г., когда по решению правительства монопольная продажа вина была заменена системой откупов.

С. 12. <... > гавалась грама г. Коцебу, в которой Рома играл г. Поплевин, Кору — девица Зяблова...

Коцебу Август Фридрих (1761—1819) — немецкий писатель и драматург, многочисленные мелодрамы и комедии которого начинают переводить и ставить на русской сцене в 90-е гг. XVIII в.: «... особенная популярность этого поставщика "фарсов для пищеварения", как он сам называл свои комедии, приходится на следующее десятилетие, когда пьесы Коцебу буквально наводнили русскую сцену» (Берков, с. 302). Д. П. Горчаков писал в «Послании к князю С. Н. Долгорукову»: «И Коцебятинна одна теперь на сцене» (датир. между 1807 и 1811 гг.; Поэты-сатирики, с. 159).

Гоголь резко отрицательно относился к мелодраме в целом, как к жанру, противоречащему учительной роли театра (см. об этом в «Петербургских записках 1836 года», «О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности» — в «Выбранных местах из переписки с друзьями») и, видимо, был невысокого мнения о творчестве Коцебу — ср. в письме к М. П. Погодину 1840 г.: «И ты в познании сердца человеческого из Шекспира попал в Коцебу» (Гоголь, т. XI, с. 312).

Несмотря на то, что отношение интеллигентного зрителя и читателя к «коцебятине» уже в начале XIX в. было негативным, популярность мелодрам Коцебу среди массового зрителя в 1830-е гг. была очень высокой и в провинции, и в столице (см.: ИРДТ, т. 1—4, «Репертуарные

сводки»). Даже в 40-х — нач. 50-х гг., когда эта популярность заметно падает, имя Коцебу все еще встречается на афишах даже столичных театров. Поэтому трудно согласиться с мнением комментаторов «малого» академического собрания сочинений Гоголя, что пьесы Коцебу в эти годы идут в основном на провинциальной сцене. Ср.: «Репертуар театральной провинции в целом в эти годы <1826—1845. — В. Б., Е. П.> существенно не отличался от репертуара театров Петербурга и Москвы» (ИРДТ, т. 3, с. 150).

Ролла и Кора — действующие лица двух пьес Коцебу: «Дева Солнца, драма в 5-и действиях» и «Испанцы в Перу, или смерть Роллы, трагедия в 5-и действиях»; последняя ставилась на театральной сцене гораздо чаще. Интересно, что, судя по наиболее полному русскому изданию пьес Коцебу («Театр Августа фон Коцебу». М., 1802—1824, 24 тома), это единственный случай, когда имена одних и тех же персонажей встречаются в двух пьесах.

С. 16. ... предаются занятию дельному.

В комментарии к «Мертвым душам» Е. С. Смирновой-Чикиной приводится следующее толкование: «Убожество их <чиновников и помещиков. — В. Б., Е. П.> интересов и недостаток образования приводили к тому, что карты составляли основной интерес, превращались в "занятие дельное", позволявшее убивать скучное время» (Смирнова-Чикина, с. 57). Между тем, «занятие дельное» — это выражение из жаргона игроков, означает игру. Как явствует из воспоминаний А. О. Смирновой-Россет, оно было известно Гоголю, интересовавшемуся игрецким жаргоном (см. некоторые его пометы в «Записных книжках», а также пьесу «Игроки»): «Гоголь <...> пошел в кабинет мужа, крепко заснул на диване и проснулся в испуге, потому что у мужа собрались играть в ералаш и преферанс. Он зашел ко мне и сказал: "Там **занимаются делом** <выделено нами. — В. Б., Е. П.> до восьми часов утра, но там ангел-хранитель в синем мундире со сладким лицом генерала Дубельта, следовательно, до драки не дойдет"» (Смирнова-Россет, с. 275). Этот же смысл имеет данное выражение в строках эпиграфа к первой главе «Пяковой дамы»: «Так, в ненастные дни, / Занимались они / Делом».

С. 158—159 <...> дамы города N. отличались, подобно многим дамам петербургским, необыкновенною осторожностью и приличием в словах и выражениях.

Язык провинциальных дам в «Мертвых душах» ориентирован на наречие «щеголих» (см., напр., Успенский, с. 46-60; Виноградов, с. 392—396), культивировавшее «нежность» речи, изобиловавшее аллегориями и эвфемизмами, с многочисленными включениями французских слов (типологически сходным явлением был язык прециозной культуры, высмеянной Мольером в комедии «Смешные драгоценные»). Приятель Гоголя, А. С. Данилевский, вспоминая свое знакомство с Пушкиным в доме Плетнева, припоминал, как к Плетневу приехала вдова Н. М. Карамзина, «и Пушкин затеял с нею спор. Карамзина выразилась о ком-то: "Она в интересном положении"». Пушкин стал горячо возставать против этого выражения, утверждая с жаром, что его напрасно употребляют вместо коренного, чисто русского выражения: "она брюхата"» (Шенрок, т. 1, с. 363).

В последующее время «щегольское наречие» перестает быть исключительной прерогативой столичных светских дам; оно расслаивается в социальном отношении, становится характерной чертой языка провинциалок, мещанского сословия. Жеманные приличия свойственны были речи институток. А. О. Смирнова-Россет рассказывает о том, как Плетнев читал в Екатерининском институте «Евгения Онегина»: «<...> мы были в восторге, но когда он сказал: "Панталоны, фрак, жилет" — мы сказали: "Какой, однако, Пушкин индеса (от французского слова *indécent* — непристойный)"» (Смирнова-Россет, с. 120); ср. здесь же: «<...> не позволено было говорить дура, а говорили противная» (с. 183).

Эквивалентом эвфемизмов было употребление табуированных, по мнению дам, слов, в переводе на французский язык: «Дмитрий Евсеевич Цицианов говорил, что французский язык — это вертопрашный язык. "Только, говорил он, наши барыни любят болтать всякий вздор на французском. Скажи им по-французски: *pantalons*, так и растают, а скажи им штаны — чуть в обморок не падают"» (Смирнова-Россет, с. 121).

С. 163. ... маленькие зубчатые из тонкого батиста, известные под именем скромностей.

Скромность (франц. *modestie*) — маленькая полоска кружев или легкого газа, которая помещается в корсаже, чтобы прикрыть слишком вызывающее декольте. Слова с абстрактной или эмоциональной семантикой, заимствованные из французского языка, часто давали названия модным изделиям: «Отчаянье?.. Это что-то новое выражение в модном словаре! Нет ли какого перстня или браслета такого имени! Ведь есть же супиры, и репантиры, и сувениры у любого золотых дел мастера» (Бестужев-Марлинский, с. 245). Супир (франц. *soupir* — вздох) — кольцо, которое носилось на мизинце в память о ком-либо; сувенир (франц. *souvenir* — воспоминание); репантир (франц. *repentir* — раскаяние) — название фасона модной прически.

С. 165. <...> разве из патриотизма выстроят для себя на гаче избу в русском вкусе.

Особенностью славянофильских идей было их воздействие на бытовое поведение, что приводило к привнесению в уклад дворянской жизни демонстративного подражания крестьянскому быту. На один из примеров такого рода обратил внимание в своих записках маркиз де Кюстин: «Я был приглашен отобедать на даче, расположенной в черте города. <...> Я вошел в деревянный дом — новая странность! в Москве и богатые и бедные спят под деревянным кровом в бревенчатом обшитом досками срубе. Зато внутри дощатые "избы" богачей соперничают в роскоши с самыми пышными дворцами Европы. Та, в которой меня принимали, показалась мне удобной и прекрасно обставленной, хотя владелец живет в ней только летом, зиму же проводит в центральной части Москвы» (Кюстин, с. 216 — 217).

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Эта непоследовательность автора статьи очевидна из следующего замечания. Рассматривая неурожаи в России в первой половине XIX в., Е. Ф. Никишаев делает вывод: «Итак, в "Мертвых душах" отразились факты, характерные для почти долувековой истории России. Но мы возьмем на предварительную заметку период 1821—1825 <...>» (Никишаев, с. 101). Почему именно этот период? Если спорить о фактах, то трудно согласиться и с другим замечанием автора статьи: «Е. С. Смирнова-Чикина отмечает, что Гоголь имел в виду

холерную эпидемию 1830-1831 гг., когда говорил о расчетах Чичикова на недавнюю эпидемию. Однако упоминания о холере как таковой в поэме нет, в том числе и в черновых редакциях». Это не совсем так. Во втором томе «Мертвых душ» на вопрос Чичикова о состоянии имения Хлобуев отвечает: «В самом скверном, Павел Иванович», сказал Хлобуев. «И это еще не все. Я не скрою: из ста душ, числящихся по ревизии, только пятьдесят в живых; так у нас распорядилась х о л е р а (т. VII, с. 85; разрядка наша. — В. Б., Е. П.). Эта фраза из второго тома напоминает высказывание Чичикова: «Да накупи я всех этих, которые вымерли, пока еще не подавали новых ревизских сказок, приобрети их, положим, тысячу, да, положим, опекунский совет даст по двести рублей на душу: вот уж двести тысяч капиталу! А теперь же время удобное: недавно была эпидемия, народу вымерло, слава богу, не мало» (т. VI, с. 240). В обоих случаях идет речь об эпидемии, случившейся перед поездкой Чичикова, до проведения новой ревизии. Ср. также жалобы помещиков из первого тома на запущенность имений.

- 2 Представление о Наполеоне как антихристе возникло в России еще до войны 1812 г. и, как указывает Ф. Н. Глинка, не без влияния правительственных манифестов: «Перед войною 1807-го года при вызове народного ополчения (милиции) издан был манифест, из которого явно выглядывал "Наполеон — антихрист". Народ так и не понял и принял его за СЫНА ПОГИБЕЛИ» (Глинка, с. 252, ср. также: Вяземский, с. 171, Бутковская, с. 599). Анекдотическую историю поимки Наполеона — антихриста см. в Киевской старине, с. 42 — 43). С этой цепочкой тесно связан также слух о Чичикове — «делателе государственных ассигнаций» (т. VI, с. 199). Хотя ассигнации стали подделывать в России сразу с момента их появления (Друян, с. 9; Шашков, с. 153), однако слухи о их подделке всколыхнулись во время войн с Францией, когда возникло предположение об изготовлении фальшивых бумажных денег по распоряжению Наполеона (Свербеев, с. 145).
- 3 За исключением исторически окрашенных слухов мы в этой работе в основном опирались на факты нормативные, регулируемые (и проверяемые) законодательством. За пределами статьи остались (хотя и учитывались) такие факты, как смена моды, литературные увлечения чиновников. Последние (увлечение «Людмилой» Жуковского как «непростывшей новостью» (т. VI, с. 156), Юнгом, Эккартсгаузенем), с нашей точки зрения, нет никаких оснований воспринимать как анахронизм, поскольку историческое время поэмы растянуто между 1810 — 30-ми гг.

- 4 Наличие картин с изображением птиц в доме Коробочки Е. Фарыно истолковывает как признак атемпоральности (Фарыно, с. 620).
- 5 В. Кошмал интерпретирует это как признак ирреальности мира (Кошмал, с. 335).
- 6 В данном случае мы рассматриваем все типы пространства, противопоставленного чичиковскому, как нечто единое лишь по одному признаку: «направленное» / «ненаправленное», отвлекаясь от различий между ними.
- 7 В процитированном отрывке происходит переключение героя со шкалы сюжетного времени на шкалу авторского. Кстати говоря, к чичиковскому миру не принадлежат его слуги, кучер Селифан и лакей Петрушка, «вынужденно» путешествующие с хозяином: «Медленно, как только можно вообразить себе медленно, спускался он <Селифан. — В. Б., Е. П.> с лестницы, <...> и долго почесывал у себя рукою в затылке. Что означало это почесывание? и что, вообще, оно значит? <...> Или, просто, жаль оставлять отогретое уже место на людской кухне под тулупом, близ печи, да шей с городским мягким пирогом, с тем, чтобы вновь тащиться под дождь и слякоть и всякую дорожную невзгоду?» (т. VI, с. 215).
- 8 Интересна в данном случае и авторская игра с временами года. Ю. В. Манн, обращая внимание на несогласованность времен года в «Мертвых душах», пишет: «Но психологически и творчески эта несогласованность во времени понятна. Гоголь мыслит подробности — бытовые, исторические, временные и т.д. — не как фон, а часть образа» (Манн, с. 283).
- 9 Вопрос о сознательном и бессознательном использовании этих сигналов мы не рассматриваем. О соотношении сознательного / бессознательного в творчестве Гоголя см.: Гурковский, с. 66—67.
- 10 Не случайно в «Ревизоре» городничий, напуганный известием о приезде чиновника из Петербурга, приказывает: «разметать наскоро старый забор <...> и поставить соломенную вежу, чтобы было похоже на планировку. Оно чем больше ломки, тем больше означает деятельность градоправителя» (т. IV, с. 23).
- 11 Здесь необходимо учитывать еще один смысловой оттенок: главная особенность российского ландшафта — его большие равнинные пространства. Гоголь подчеркивает широту и открытость России как устремленность в будущее, т.е., что очень важно для характера авторской оценочности, признак приобретает некоторую двойственность.

ЛИТЕРАТУРА

- Гоголь — Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. АН СССР. 1940—1952.
- Антокольский — Антокольский П. Предисловие // Гоголь Н. В. Мертвые души. М., 1980.
- Берков — Берков П. Н. История русской комедии XVIII века. Л., 1977.
- Бестужев-Марлинский — Бестужев-Марлинский А. А. Фрегат «Надежда» // Бестужев-Марлинский А. А. Соч.: В 2 т. М., 1981.
- Боровой I — Боровой С. О реально-исторической основе сюжета «Мертвых душ» // Вопросы литературы. 1966. N 4.
- Боровой II — Боровой С. Еще раз о реально-исторической основе сюжета «Мертвых душ» // Вопросы литературы. 1968. N 9.
- Бутковская — Бутковская А. Я. Рассказы бабушки // Исторический вестник. 1884. т. 12. N 12.
- Вигель — Вигель Ф. Ф. Воспоминания. М., 1864.
- Виноградов. — Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX веков. М., 1982.
- Вяземский — Вяземский П. А. Старая записная книжка. <Л.>, 1929.
- Глинка — Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. М., 1985.
- Гуковский — Гуковский Г. А. Реализм Гоголя. М.; Л., 1959.
- Долгорукий — Долгорукий И. М. Славны бубны за горами или путешествие мое кое-куда 1810 года // ЧОИДР. 1869. Кн. 2—3.
- Друян — Друян А. Д. Очерки по истории денежного обращения в России в XIX веке. Госфиниздат, 1941.
- Елистратова — Елистратова А. Гоголь и проблемы западно-европейского романа. М., 1972.
- ИРДТ — История русского драматического театра. М., 1977—1979. Т. 1—4.
- Киевская старина — Как поймали Наполеона Бонапарта в лебединском уезде (Из рассказов старожила) // Киевская старина. 1896. Т. 55. N 11.
- Кириллов — Кириллов В. В. Архитектура и градостроительство Подмосковья // Русский город. Вып. 3. М., 1980.
- Кюстин — Маркиз de Кюстин. Николаевская Россия. М., 1930.
- Кошмал — Koschmal W. Modell oder Wirklichkeit? // Russian Literature, XI, 1982.
- Лисовский — Лисовский Н. М. Русская периодическая печать 1703—1894 гг. Вып. 1. Пг., 1915.

- Лотман — *Лотман Ю. М.* Проблема художественного пространства в прозе Гоголя // Учен. зап. ТГУ. Вып. 209. Тарту, 1968.
- Манн — *Манн Ю. В.* Поэтика Гоголя. Л., 1978.
- Медведева — *Медведева И. Н.* <Примечания> // Гоголь Н. В. Собр. худож. произв. в пяти томах. М., 1959.
- Мордвинова — *Записки графини Н. Н. Мордвиновой* // Русский архив. 1883. N 6.
- Мостовский — *Мостовский М.* Историческое описание храма во имя Христа Спасителя в Москве. М., 1883.
- Никишаев — *Никишаев Е. Ф.* Когда Чичиков скупал мертвые души // Филологические науки. 1976. N 1.
- Ожегов — *Ожегов С. С.* Типовое строительство в России в XVIII–XIX веках. М., 1984.
- ПСВЗ — *Полный свод законов Российской Империи.* СПб., 1842.
- ПСЗ — *Полное собрание законов Российской Империи.* I-ое собрание (1649–1825). СПб., 1830; II-ое собрание (1825–1881). СПб., 1825–1884.
- Поэты-сатирики — *Поэты-сатирики конца XVIII–начала XIX вв.* Л., 1959.
- Пушкарев — *Пушкарев И.* Описание Санкт-Петербурга и уездных городов Санкт-Петербургской губернии. СПб., 1834–1841.
- Пыляев — *Пыляев М. М.* Старое житье. СПб., 1892.
- Рылеев — *Рылеев К. Ф.* Полн. собр. стихотворений. <Л.>, 1971.
- Саннинский — *Саннинский Б.* Две реплики автору статьи // Русская литература. 1967. N 1.
- Свербеев — *Свербеев Д. И.* Записки. М., 1899. Т. 1–2.
- Случевская — *Случевская Л.* Работа Гоголя над «Мертвыми душами» // Изучение творчества Гоголя в школе. М., 1954.
- Смирнова-Россет — *Смирнова-Россет А. О.* Автобиография (Неизданные материалы). М., 1931.
- Смирнова-Чикина — *Смирнова-Чикина Е. С.* Поэма Н. Г. Гоголя «Мертвые души»: литературный комментарий. М., 1964.
- Статистические таблицы. . . — *Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи.* СПб., 1840.
- Успенский — *Успенский Б. А.* Из истории русского литературного языка XVIII–начала XIX века. М., 1985.
- Фарыно — *Фарыно Е.* Структура поездки Чичикова // *Russian Literature*, 1978. Т. VI–VII.
- Шенрок — *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1892–98. Т. 1–4.